

Михаил Сопин

**ЛИСТИКИ
НА ПОДОШВАХ-2**

Стихи 1971 года

Вологда

2007

«В РУКЕ Я МГНОВЕНЬЕ НЕСУ...»

Одиночество с ощущением космичности – лейтмотив этого цикла, второго из тетради «Листики на подошвах». Поэт идет, «головой касаясь тяжёлого неба, по земле качающейся и шаткой». Взгляд скользит по случайным улицам и прохожим и не ни на чем не задерживается надолго. Вот гипсовый Маяковский с разбитым виском глядит вниз, «на тяжёлую обувь поэта». Автору стихов хочется укрыть собой от мороза осенние лужи, «в незнакомые двери толкнуться, ночлега прося». Он опереживает всему живому:

*Небо, как из лукошка,
Белым снегом засекает крыши.
В пустом доме осени
Слышу
Жалобы кошки.*

Но город и люди не принимают его:

*Из груди в осень
Я выпускаю птицу смеха
И жду ответа.
Но его нет.
Словно она разбивается
О громаду города,
Потому что даже эхо
Не возвращается ко мне,
Тихое эхо,
Которое
Могло бы
Отпугнуть
Тишину.*

Все сущее видится как прощание с ним: «Если первые листья опали, то уже не бывает весны, никогда не бывает весны».

*Но остается ощущение причастности к большому:
«... В руке я мгновение несу,
Тайну тайн, бесконечности суть».*

Татьяна Сопина

В КЛЕТКЕ ИЗ ЧЕЛОВЕЧЬЕГО «Я»

Всё чужое - всегда у обочин.
 Чья-то боль - водяные круги.
 Каждый прежде собой озабочен -
 Лишь для этики, может, другим.
 Был и я вот таким. Почему же
 Изменился с какой-то поры?
 Даже эти осенние лужи
 От мороза собой бы укрыл.
 Только, знаю, ведь скажут:
 «С изъязном,
 Или просто до чёртиков пьян».
 Вечно биться душе обезьяной
 В клетке из человеческого «я».
 15, ноябрь, 71.

ЧУДЕСА

Чудеса -
 Это если вот так
 Подойти и погладить
 Незнакомые мне
 Твои огненно-рыжие пряди.
 Огоньки зимних молний
 На стылых, как лёд, небесах.
 Обещать и исполнить -
 Это все из чудес чудеса.
 В знакомые двери
 Толкнуться, ночлега прося -
 Чудеса.
 Чудеса - если есть кто-то рядом,
 И в трудный момент ты не сам.
 16, ноябрь, 71.

С РАЗБИТЫМ ВИСКОМ

Памятник В.В. Маяковскому на ул. Горького.

Маяковский с разбитым виском.
 Как-то горько, невысказано это.
 Он стоит, глядя в камень носков,
 На тяжелую обувь поэта.
 Распрямись, распрямись, человек!
 Отряхни непокорные пряди!
 Только снег на его голове

Выщерб гипсовый прячет и гладит.
 Белый снег. А вокруг - высоко -
 Сталь оградная в иней одета.
 ...Он стоит, глядя в камень носков,
 На нелегкую обувь поэта.
 16, ноябрь, 71.

* * *

Прохожие на улице, дома -
 Как в затуманенной колбе.
 Надо воротник поднимать.
 Потому что снежинки,
 Много-много снежинок
 На шапку, на плечи садятся,
 Как маленькие белые голуби.
 Интересно,
 Придет ли когда-нибудь во сне
 Сегодняшний снег?
 16, ноябрь, 71.

* * *

- Скажите,
 Вы случайно, или...
 Умоляю Вас,
 Будьте великодушны дослушать:
 Вы случайно обронили
 Ваших глаз теплоту
 В мою душу?
 - Боже правый,
 Неужели можно быть
 Таким непонятливым и грубым?
 Ведь я женщина,
 И, кажется, не ответить имею право, -
 Ответили, едва дрогнув, её губы.
 16, ноябрь, 71.

* * *

Мне однажды кто-то сказал:
 Когда зайдет солнце,
 Оно еще долго отражается
 В женских глазах.
 С тех пор,
 Когда голова моя от усталости клонится,
 И стылый ветер
 Раздумья мои,

Как листья, по улице мчит,
 Я выхожу один
 И отправляюсь в поиск -
 Ищу
 Исцеляющие мое сердце лучи.
 16, ноябрь, 71.

* * *

Вот женщина
 Взглянула мне в глаза.
 Ещё, ещё...
 И смутно понимая,
 Я что-то тёплое глазами ей сказал.
 Она зажглась.
 И вот уже немая
 Меж нами началась беседа глаз.
 И всё.
 Вожатая ей двери открывает.
 О эти встречи краткие в трамвае!
 А там, в осеннем мире,
 Под дождем,
 В колышашейся беспредметной жиже -
 Я это чувствую,
 Прекрасно чувствую и вижу -
 Для маленькой любви
 В таком большущем мире
 Мы места не найдём.
 16, ноябрь, 71.

* * *

Всякое бывает.
 Вот если она сейчас посмотрит на меня,
 Мы смогли бы друг друга понять
 Без лишних слов,
 Вообще без голоса.
 Эти тонкие руки
 Могли бы гладить мои волосы.
 Всякое бывает.
 Так я рассуждаю
 В ожидании трамвая.
 Прохладно стоять на ветру.
 Ветер действительно неистов.
 Сломанное дерево,
 Как высохший прут,
 Шумит прядями листьев.
 А тучи, как вороны в небе,

Как вороны.
 Где же моя знакомая незнакомка?
 О, у нее другой маршрут -
 Судьбы проклятая конка.
 Так во всех случаях жизни:
 Мне и моим желаньям -
 В разные стороны.
 16, ноябрь, 71.

* * *

Россия!
 Вглубь ее взгляни-ка,
 В её шальное далеко,
 Где жили Аввакум и Никон,
 Народ спасая от оков.
 Цари творили пьяный шабаш,
 Под дробь копыт взвивался шлях.
 А в скитах мужики да бабы
 С детьми грудными на руках
 Горели, заживо горели
 В огне раскольничьих молелен...
 Кому, кому из них был введом
 Тот истинный и правый путь?
 Попу? Христу, что правды не дал?
 Всех форм
 Российские кликуши
 Воят истошным криком в души:
 «Блаженства ради!» -
 С давних пор.
 17, ноябрь, 71.

СТЕНЬКА

Нет... На устах у Стеньки не мольба,
 И не держава, не толпа, не воля.
 Глаза не видят... Ближе – голытьба.
 А дальше - небом и бескрайним полем
 Над челядью страны сторожевой,
 Над суесловьем ада или рая,
 Он ловит миг так, как любой живой,
 На плахе одиноко умирая.
 Я утверждать пристрастно не берусь.
 В толпе я не стоял и с ней не ахал.
 Но, может быть...
 «Ты - кровожадна, мать-Русь!», -
 Сказал Степан.
 И - голова на плахе.
 17, ноябрь, 71.

ВЛАДИМИРКА*)

За бором, за гаем,
 По жидким трясинам,
 Под посвист нагаек
 Плетётся Россия.
 И разум в ней вымерк.
 От крови - все ало.
 Так много Владимирок,
 Так радости мало.
 И в мареве синем
 Кресты да погосты.
 Умы для России -
 Этапные гости.
 Но в дальних острогах,
 Меж диких предместий
 На этих дорогах
 Родится возмездье.
 17, ноябрь, 71.

*) дорога, по которой в царское время острожников гнали в Сибирь

В АВОСЬКЕ ДУШИ

Нарождается день.
 Я уже по дороге иду.
 В авоське души
 Несу пакетики наблюдений
 И дум.
 Вы думаете, я их покупаю?
 Нет.
 Люди, сами не замечая,
 Отдают их мне.
 Для этого необязательно
 Обладать гипнозом.
 Это просто.
 Вот улица.
 Стоит женщина, сутулится.
 Проходя мимо, я просто
 Поднимаю ее взгляд,
 Упавший на пустой перекресток,
 И думаю:
 С какой бы мыслью,
 Радостной или печальной,
 С опущенными плечами
 Под этой холодной высью
 На пустом перекрёстке стоял?
 А остальное от меня не зависит.
 18, ноябрь, 71.

СОРОКОВОЙ ЛИСТОПАД

Мимо меня
 Прошел трамвай, звеня,
 И в городском пропал разноголосье.
 Летят дождинки,
 Бьются в порошок.
 Но это не беда.
 Я все-таки пришёл,
 Пришёл в свою сороковую осень.
 Дай обниму тебя,
 Мой листопад, дружище.
 Ты поседел,
 Шагая в невод дум.
 Так значит, говоришь, еще кружишься?
 И я кружусь:
 Живу, живу, живу.
 19, ноябрь, 71.

ДО СВИДАНИЯ

Каждый день,
 Когда сумерек пыль,
 Оседая,
 Ретуширует землю,
 Деревьев в саду голый вой,
 Это я для тебя,
 Я тебе, каждый день,
 Говорю «до свиданья»,
 Проходя лабиринтами улиц
 И едва уловимо качая седой головой.
 До свиданья, люди, мосты,
 Фонарей голубые росинки,
 Горящие неравномерно, лучисто.
 До свиданья,
 Льдинок освещённых янтарная стынь.
 Всему, что я чувствую, вижу,
 Всему говорю – «до свиданья»,
 Потому что не знаю,
 Что может к рассвету случиться.
 И другие не знают.
 Все - лишь гаданья.
 Собачка?
 До свиданья, собачка,
 До свиданья, до свиданья.
 18, ноябрь, 71.

«ОТОДВИНЬТЕСЬ»

Я люблю -
 Шагая сквозь зной
 Или по остуде буден,
 Когда ко мне обращаются люди...
 И еще - бродячих собачек.
 Не злобных «драконов»
 С клыкастыми пастями,
 Мешающих людям гулять по аллеям.
 Нет, этих я не люблю, но жалею.
 Так вот, я люблю людей,
 Обращающихся ко мне,
 Пусть даже они говорят:
 «Отодвиньтесь»,
 А рядом никого нет.
 Но я отодвигаюсь, как в стойле
 Слепой на один глаз верблюду
 От всего, что дорого и мило,
 Зная, что ничего у меня уже нет.
 Отодвигаюсь,
 Если даже женщина обратится ко мне,
 Женщина,
 Которая вчера говорила: «Люблю».
 18, ноябрь, 71.

* * *

Я не был
 Под Парижским небом,
 Не видел заката,
 Отражающегося в чердачном окне,
 Не видел туманов Лондона,
 Зато я знаю
 Бальзака, Диккенса, Джека Лондона
 С их ранними судьбами
 И горьким хлебом,
 Вкус которого так знаком мне.
 Я не был
 Под Парижским небом,
 Ну и что же, ну и что же?
 При чем здесь туманы, небо и огни?
 Разве некто, живущий в России,
 Страдать не может,
 Жизнь любить не может
 Так, как, страдая, любили они?
 Да, я не Диккенс, не Лондон, не Бальзак.
 Но и век мой

Их веку совсем не чета.
 Но ты прочти,
 Прочти сегодня в моих глазах,
 Если умеешь читать.
 18, ноябрь, 71.

* * *

Тяжело я иду по столетью.
 Все сильней и сильней
 Вымерзает во мне
 Неокрепшая память о лете.
 И лежит на сутулой спине
 Белый снег.
 Я иду среди многих других
 Горожан,
 Горожанок,
 Никем не замечен.
 Чуть дрожа,
 Отмеряю шаги,
 Уходящие в мой
 Наступающий вечер.
 Тяжело, тяжело я иду по столетью.
 А вокруг - суета белых мух.
 Сердце снова мечтает
 О кратком тепле - новом лете.
 Но дано ли согреться ему?
 19, ноябрь. 71.

* * *

В холодную серую морось
 Уходит черная «Волга».

* * *

Я поднимаюсь с рассветом
 И выхожу с ветром
 На гололёдную опухоль,
 Где снег пересыпается, как порошок,
 И думаю:
 Если не делать плохо -
 Это уже хорошо.
 А ветер то злобно, то томно
 Навстречу срываясь, поёт.
 Мосты в меня смотрят бетонно.
 Дома в меня смотрят цементно.
 Они, конечно, не знают,

Что я иду к своим пациентам,
 Несу комочек тепла
 В сердце моём.
 Встречаю плачущую девочку.
 Она потеряла денежку,
 А дома у неё мама:
 «Мама будет злиться».
 Тогда я говорю:
 «Деньги у нас под ногами,
 Давай собирать листья!»
 Мы набираем целый букет
 Из опавших листьев,
 Чтоб она подарила его маме.
 Тогда она загорается, как Кассиопея.
 И уже не жалеет копеек.
 Последнюю слезинку
 Стирает маленький пальчик,
 Смотрит благодарно.
 А я ухожу дальше.
 20 ноябрь, 71.

ДЕТЯМ ОСТАВЛЮ ГЛАЗА

Сегодня выброшу
 Свою усталость где-то
 И, как о вчерашнем сновидении,
 Забуду о ней совсем,
 Потому что сегодня
 По снежной реке
 Ухожу,
 Ухожу от себя,
 Ухожу играть к детям.
 Только здесь
 Мы расскажем друг другу
 Все, что знаем
 О детской стране.
 Только здесь, за очерченным кругом,
 Куда взрослому доступа нет,
 Я буду беспечной игрушей
 До тех пор,
 Пока жизнь не позовет назад.
 Уходя,
 Оставляю маленьким братьям
 Вместо игрушек
 Мои глаза.
 21, ноябрь, 71.

ИЗБА КРИЧИТ ПУСТОТОЙ

Чья-то маленькая изба
 Кричит в меня
 Брошенной пустотой,
 Как надоедливая такса.
 День нуден до нытья в зубах,
 Нуден,
 И как кочующий поэтический образ,
 Пуст и затаскан.
 Нужно бы тише идти,
 А ноги сами бегут.
 В неизвестность?
 Кто же знает.
 Разорванными звеньями
 Следы на снегу.
 За чертой города -
 Ватный гул.
 Иду, волоча в себе
 Сомнения свои,
 Надежды свои, страх свой.
 От ветра слезятся глаза,
 И некому сказать:
 «Здравствуй».
 21, ноябрь, 71

СЛОВО

Слово,
 Одно только слово...
 Это и много, и мало,
 Это и грязно, и чисто.
 В него можно войти, как в терем,
 Большой и лучистый,
 И как под своды мрачного подвала.
 Иногда после него
 Остается потеря.
 Кто-то улыбнется весело:
 «Не ужились!»
 А кто-то вздохнет: «Не ужились...»
 И по большой земле
 Пойдут в разные стороны,
 Совершенно чужими,
 Непоправимо чужими.
 22, ноябрь, 71.

ПАМЯТЬ ПЫЛИТСЯ

Разбито и хмуро.
 Асфальт то в снегу, то в воде.
 И в этот остывший день
 Бегут самоходные фуры.
 Привозят, увозят, развозят:
 Мгновения - от века,
 Людей - от людей
 Везут разноцветные фуры.
 Мелькают за стеклами лица -
 Толпой, одиноко, попарно -
 Береты, платочки, кокарды
 И красных сигналов огни.
 Что скажешь,
 Когда моя память пылится
 Тотчас же
 О них.
 22, ноябрь, 71.

* * *

- Какая нескромная улыбка, -
 Старушка замечает, шепча.
 - Какая очаровательная! -
 Привиделось мне.
 И улыбка, танцующая, как птичка,
 Сжалась тотчас.
 И ничего больше нет.
 Только пепельный день
 И серое полотно асфальта в жёлтой воде.
 Это улыбалась девушка кому-то,
 Стоящему спиной к нам.
 Вот и всё.
 Бежит автобус в мутное.
 За стеклом - мокрый снег несёт.
 Стоит старушка у окна.
 24, ноябрь, 71.

* * *

Ещё не замерзла вода.
 Но кое-где у прибрежий
 Плетётся некрепкой мережей
 Холодное кружево льда.
 Шаги позвончили.
 Вокруг никого не видеть.

На чёрных опавших качелях
 Последние листья
 Качает тугая вода.
 Скорей фонари зажглись бы,
 Чтоб скрыли на той стороне
 Сказания о старине -
 Примёрзшие к осени избы.
 25, ноябрь, 71.

* * *

Однажды
 Кто-то принёс птенца.
 Это был дрозд.
 Мы назвали его Яшкой. Кормили.
 Он не мог есть сам.
 Потом окреп, подрос, встал на крылья.
 Я очень привык
 К его незатейливой песне.
 Как он пел,
 Усевшись на клочок желтеющей травы!
 Не знаю, как это понять,
 Но когда его не стало,
 Я почувствовал, что, улетев,
 Он унес частицу меня.
 И вот однажды
 Я увидел серый комочек на ветке.
 Рванулся к нему, ошалев!
 Увы -
 Это одинокий лист висел на ветле.
 25, ноябрь, 71.

* * *

Мальчик часто спрашивает меня
 О собаках.
 Почему-то, почему-то
 Иногда так поставит вопрос,
 Что и не подыщешь ответа.
 Сегодня он заплакал вдруг,
 Глядя,
 Как в руках у какого-то дяди,
 В проволочной петле, задыхаясь,
 Бился четвероногий человеческий «друг».
 Мальчик схватил палку -
 И бросился,
 Потому что жалко.
 Я думаю, думаю, и объяснить вот никак нельзя.

Не скажешь, что собаки делятся на тех и других:
 В ошейниках и намордниках,
 Зарегистрированные -
 Это друзья,
 А бродячие, бездомные - враги.
 25, ноябрь, 71.

* * *

Тучами небо заверчено.
 Фонарей оборвался курсив.
 В чёрной проруби вечера
 Мигнув, утонуло такси.
 Собакой провыла сирена
 И стало тихо опять.
 Деревце старушкой смиренной
 В непроглядное запахло до пят.
 Еще метнулась, очумев, машина,
 И снова - даль темнее, чем пашня.
 Делаю несколько шагов,
 И постепенно
 В огненно-красной чалме
 В небо въезжает какая-то башня.
 А трамвая все нет и нет.
 Не мигает дуги свеча.
 Интересно, который час?
 Вдруг пешком добираться мне?
 25, ноябрь, 71.

* * *

Из груди в осень
 Я выпускаю птицу смеха
 И жду ответа.
 Но его нет.
 Словно она разбивается
 О громаду города,
 Потому что даже эхо
 Не возвращается ко мне,
 Тихое эхо,
 Которое
 Могло бы
 Отпугнуть
 Тишину.
 26, ноябрь, 71.

* * *

Сажу на скамейке.
 Вокруг - никого.
 Город зажигает огни.
 Я выбираю самые приятные,
 Мысленно образуя из них
 Строки, строфы, ритмы.
 Вы сомневаетесь? Напрасно.
 Они, как люди,
 Имеют свои особенности,
 Каждый единственен и неповторим.
 Вот - бордовый, изнеженный,
 Густо-золотой - строгий,
 Зеленый - элегантный.
 Это смотрят в жизнь дома-гиганты.
 Они вправе сторониться лачуг,
 К которым я сейчас идти хочу
 По улочке тихой и заснеженной.
 О огни,
 По ним
 Я читаю целые страницы...
 26, ноябрь, 71.

КОЛЕСО ДЕТСТВА

Мальчик
 С восторженным лицом
 Катит игрушку.
 Куда,
 К каким зрелым годам
 Приведет его судьбы колесо?
 Окна в распахнутые ставни
 Улыбаются младенцу.
 Неизвестно, кем он станет -
 Магелланом, Боккачио,
 А пока что
 Он катит колесо своего детства.
 26, ноябрь, 71.

* * *

В улицу вползает
 Надменная «Волга»,
 И маленький «Москвич»
 Уступает ей дорогу
 В силу скорости,
 А значит - долга.
 Жметя к обочине
 Всеми частями рабочими,
 Дребезжа.
 Даже становится
 По-человечески его жаль.
 «Волга» умчалась.
 Опустела улица.
 Горят фонари-недотроги.
 И вот вырывается «Москвич»!
 Он уже, как божья коровка,
 К обочине не тулится,
 А чувствует себя королем дороги.
 Тускнеет сигнальный огонь.
 И однако,
 Однако по-человечески жаль его.
 26, ноябрь, 71.

* * *

В небесном пространстве луна.
 Из мглы,
 Как из дальнего странствия,
 Сегодня вернулась она.
 27, ноябрь, 71.

В МОХНАТОМ ПОЛОТЕНЦЕ НОЯБРЯ

Утро. Девятый час.
 Все предметы сейчас
 Каштанового цвета.
 Шагаю по льдинкам нехрупким,
 Протягиваю руки,
 Пытаясь поймать шорох капли,
 Падающей с веток на камень.
 Редкие прохожие поглядывают на меня
 С подозрением...
 Даже мальчонка засмеялся
 И пополз, как коричневый жук.

Ну и что?
 Я освежаю лицо
 Мохнатым полотенцем ноября.
 27, ноябрь, 71.

* * *

Улица, огни -
 Зелёные, жёлтые, красные.
 Тихо и пустынно в парке.
 Но как же просто
 Все прекрасное,
 Хотя бы это -
 Идти, собирая огней разноцветные шарики,
 Забывая неприятности дня,
 Не думая о том, что стареем.
 Закружиться, до «ничто» растворяясь в огнях,
 Слушая летние сказки
 Обнажённых деревьев.
 28, ноябрь, 71.

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В НОЯБРЬСКИХ ЛУЖ ГЛАЗА

Застегиваюсь. Выхожу на прогулку.
 А мне говорят: «Некстати,
 Погода скверная, и все то же».
 Но я иду и иду неустанно
 По улицам не гулким,
 Вглядываясь в каменные глаза статуй,
 Мимо уснувших до весны фонтанов,
 Встречая редких прохожих.
 Здесь я один. Не мешает никто -
 В самый раз. День несколько смутен.
 Но разве я могу сидеть в тесном жилье,
 Когда мне доступно
 Ежесекундное обновление сути
 Жизни, мира, всего,
 Чем живу без пышных фраз.
 Многое, многое дано нам -
 Думаю,
 Вглядываясь в ноябрьских луж глаза.
 И только когда в город вливается тишина,
 Возвращаюсь назад.
 28, ноябрь, 71.

* * *

Стряхнул росинку в ладонь.
И вдруг в тишине
Почему-то подумалось мне,
Что в руке я мгновенье несу,
Тайну тайн,
Бесконечности суть.
29, ноябрь, 71.

* * *

Аллеи все пусты.
И лужи - не пройдешь.
На черные кусты
Ложится мёртвый дождь
И не скользит по ним.
Ни шума, ни капли.
И в мутных лужах
Свет от фонарей
Мерцает еле-еле.
29, ноябрь, 71.

* * *

Витрины, дома,
Чёрные липы, березки,
Приглушенные голоса
Или - совсем никаких.
Мысленный человеческий поток
Выносит меня к перекрёстку
И растекается на мелкие ручейки.
Площадь передо мной -
Как пустое футбольное поле.
Скоро станет темно.
День, как хрупкую льдинку,
Громадина ночи расколет,
И что было в нём -
Все унесёт.
Что оставить на память?
Хмурое небо и камень,
И мерцающие искры душ.
29, ноябрь, 71.

* * *

Пока утренние огни не проснулись,
 А ночные уже не горят,
 Я выхожу в тишину улиц
 Собирать туман декабря.
 Для чего?
 Может, он мне когда-то приснится,
 Этот туман
 И невидимые деревья,
 На которых белые песни
 Поют невидимки-птицы,
 Может, он мне приснится,
 Этот неуловимый снег,
 И я вновь буду счастлив мгновением,
 Обретённым в коротеньком сне.
 1, декабрь, 71.

* * *

Смотреть на землю,
 Как на материю -
 Для меня невозполнимая потеря.
 Что может
 Для меня быть дороже
 Этого дня,
 Чистый он или хмурый?
 Кончается осень.
 Наступают холода.
 Ветшают лохмотья истин.
 Я вижу спину человека,
 Идущего под дождем
 Облетающих листьев.
 1, декабрь, 71.

* * *

Дома,
 И туман между ними.
 В городе - как в доисторическом лесу.
 На горячей ладони сердца,
 По дневной мешанине,
 Твоей жизни и веры
 Хрупкий кристаллик несу,
 Головой касаясь тяжёлого неба,
 По земле качающейся и шаткой очень -
 Туда, где не был,
 Где еще нет границ,
 Разделяющих дни и ночи.
 1, декабрь, 71.

* * *

Если улетают перелетные птицы,
 Они вернуться назад.
 Не бойся.
 Если дуют холодные ветры,
 И, качаясь, висят над тобой дожди -
 Не бойся.
 Не надо, это не осень.
 Осень - это когда
 Одинок и забыт,
 Идешь неизвестно куда,
 И вслед тебе падают
 Омертвелые желтые листья судьбы.
 2, декабрь, 71.

* * *

Ветры, как одурелые,
 Дуют в пустое окошко,
 И плачет на погорелье
 Худая бездомная кошка.
 2, декабрь, 71.

* * *

Когда плохая погода,
 Я сижу у окна
 И подолгу
 Гляжу неустанно -
 Не в окно, а в себя,
 В свою быль, в свою небыль.
 Потом незаметно
 Переключаюсь на берёз хрупкие прутья,
 Что-то пишущие
 На серой странице неба.
 Может, отсюда, из декабря
 Они пишут песню апреля?
 Или... Нет, никогда не надо
 Отгадывать прелесть.
 2, декабрь, 71.

* * *

Солнечные лучи
 Кружатся, светят.
 Они прекрасны, как смеющиеся дети.
 Самозабвенно вышагивает бабочка:
 Крылышки то сложит, то опустит.
 Разве, глядя на неё, я могу думать.... о капусте?
 Парящий орел,
 Искрящийся в бездонной жиге
 Неба,
 Капелька звезды.
 Такими, как вижу,
 Я восторгаюсь вами вздых.
 Но когда я встречаю слезинку,
 Кровь,
 Гримасу смерти,
 Пусть даже нечасто,
 Поверьте,
 Я отказываюсь говорить и думать о смерти.
 2, декабрь, 71.

* * *

Фонарей надломленные оси
 В мутных и тихих аллеях.
 И серой крольчихой осень
 На моих задремала коленях.
 Спи, добрый серый комочек,
 Не стану тебя будить.
 Пусть снятся тебе этой ночью
 Бесшумной листвы бигуди
 И белые косы пороши,
 Летающие на ветру.
 Спи, спи - я тебя не брошу,
 Доверчивый маленький друг.
 3, декабрь, 71.

* * *

Белее, белее восток.
 Песок у побережий - как манна.
 И вот уже альфы мостов,
 Качаясь, висят над туманом.
 Далёкие трубы, как спички,
 Колеблются пламенем ввысь.

И ватный гудок электрички
 На сонных деревьях повис.
 И некого мне сторониться,
 Шагая в рассветную смесь.
 Читаю я улиц страницы,
 В подтексте и просто -
 Как есть.
 3, декабрь, 71.

* * *

Чёрная лента ночи
 Становится уже и уже.
 Шагает по городу гулко,
 По улицам и переулкам
 Рассвет, по-осеннему поздний.
 Сметает по взморщенным лужам
 Старенький дворник-ветер
 Стынущие звезды.
 Машин однотонные тени
 Мелькают то тут, то там.
 Как стайки живых нотатеней,
 Глотают их пустота.
 Сворачиваясь улиткой,
 Совсем уползает тьма.
 И женщина с белой сумкой
 Несет рождённые сутки,
 Лаская их светлой улыбкой,
 Любуясь, как первенцем мать.
 3, декабрь, 71.

* * *

Тучи - чернее, чем уголь.
 Снег в постоянном круженье.
 Качаясь, как одинокая женщина,
 Плачет бесприютная вьюга.
 Сугробов белые зайцы
 Объедают кустарников вехи.
 И я потихоньку смеяться
 Начинаю
 Тревожным смехом,
 Чтоб с плачем,
 Мешаясь в ночи,
 Вьюги стенанья смягчить.
 Но метель, не желая слушать,

Расшибаясь, кипит и кипит,
 И голос мой глуше и глуше
 Летит в переулка тупик,
 И, растворяясь в белом,
 Стучится в тёмные окна...
 И успокаивается метель,
 Потому что теперь
 Она не одинока.
 4, декабрь, 71.

* * *

Небо, как из лукошка,
 Белым снегом засекает крыши.
 В пустом доме осени
 Слышу
 Жалобы кошки.
 7, декабрь, 71.

* * *

Пуста остановка.
 Безлюдна дорога кривая.
 Серого неба цинковка
 От дождя меня укрывает.
 Уже без пятнадцати восемь.
 В вечер теряется эхо.
 Неужели опять не уехать
 В осень,
 Опять не уехать?
 Родниковой воды облаков не напиться
 Ковшиком старой деревни,
 Не увидеть, как с чёрных деревьев
 Слетают жёлтые птицы?..
 8, декабрь, 71.

* * *

Город, почему ты такой -
 Одновременно молод
 И стар?
 Для кого-то родился сейчас,
 Для кого-то давно.
 Вот храм-музей над рекой,
 Как незажжённая свеча,
 Уходящая в тревожное небо Гогена,
 В небо, лежащее надо мной.
 Голос камня

О современном и давнем
 Рассказывает мне.
 И гигантские руки дорог
 Бросают под ноги
 Неповторимые букеты ночей и дней.
 8, декабрь, 71.

* * *

Нет у нас
 Тех осенних опалин,
 Что проходят, проходят, как сны.
 Если первые листья опали,
 То уже не бывает весны,
 Никогда не бывает весны.
 И шумит еще терпкая зелень
 Без прикрас, без ненужных прикрас,
 И ложится, ложится на землю
 Только раз,
 Лишь единственный раз.
 9, декабрь, 71.

* * *

Суета. Движение.
 Фонарей игра голубая.
 В трамвае - изобилие лиц и лет.
 Я ищу симпатичную женщину
 И заранее улыбаюсь -
 Прошу закомпостировать билет.
 Она взглянула на меня
 Как-то сбоку-снизу.
 Едва заметно взд рогнули
 Ресниц синие жалъца.
 И сердце мое зачастило,
 Понимая, что принят вызов.
 «Да», - сказали, касаясь, наши пальцы.
 Щадя ее скромную признательность,
 В себя втискиваюсь крепче,
 Туже.
 Только украдкой,
 Совершенно мимолетно,
 Сознавая, что скоро конец нашей встрече,
 Я гляжу в её глаза,
 Которые становятся чисты и грустны,
 Как осенние лужи.
 19 декабрь, 71.

* * *

Совсем уже нет тепла.
 Берег пустынный и льдистый.
 Темнеет вода в глуби.
 Осень.
 Интересно, почему осенью
 Больше хочется быть любимым,
 Чем любить?
 Все неизменно хороши
 И сейчас, как тогда.
 А может,
 Все же, как речная вода,
 Что-то стынет в нас,
 Леденеет.
 Леденеют берега души,
 Чтоб вскипеть свежей зеленью,
 Когда придет весна.
 Но ведь человеческая жизнь - не вода,
 И необязательно взорвется весенний надлом.
 После какой-то осени
 К нам уже никогда-никогда
 Не возвратится тепло.
 9, декабрь, 71.

* * *

Вечер.
 Словно из сна,
 В старомодном пальто
 Бесшумно появляется и исчезает спина.
 В улицы и переулки
 Опрокинута бледная синь.
 По неопавшей лунной листве
 Пробегает музыка Дебюсси,
 Желто-лунная сказка
 Музыки Дебюсси.
 И какое-то мгновение
 Не существует ничто,
 Ничего нет.
 Мир превращается в ирреальность,

В миг,
 Запечатлённый на полотне.
 Но вот, в тишину врезаюсь,
 В тишину, словно в небыль,
 В небе,
 В далёком небе
 Появляются огни самолета.
 И все исчезает,
 То есть, все возвращается.
 Черная машина пробежала, как пудель.
 Серые деревья,
 Разноцветные витрины
 И куда-то идущие люди.
 10, декабрь, 71.

* * *

Сырой и жидкий
 Ветер.
 Земля холодная, чёрная,
 А над ней
 Белая шубка девочки
 Кружится
 Одинокой снежинкой.
 11, декабрь, 71.

* * *

Собираясь идти,
 Никогда я не знаю маршрута,
 И поэтому трудно сказать -
 Повезло мне в дороге или не повезло.
 Даже не иду иногда -
 Не существующему чему-то
 Назло.
 Улыбаюсь себе,
 Улыбаюсь кому-то...
 Почему это так?
 Может быть, потому,
 Что я фантастически богат и знатен.
 Целый мир у меня,
 Которого нет чудесней:
 Солнце, ветер, дожди, листья
 Поют мои песни,
 По всей земле
 Распевают они мои песни.
 Куда бы я ни пришел,
 Мне нужно спешить,

Чтобы чёрные тучи печали
Никогда не омрачали,
Никогда -
Чистое небо моей души.
Декабрь, 71.

* * *

На снежном мольберте ночи
Ветра несколько радуг.
Переплетаясь,
Куда-то текут они.
На снежном мольберте ночи
Соната шагов одиночных.
И белых деревьев аккорды
Им вторят
В миноре
По городу.
Я собираю в букеты
Радуг искристые перья,
Перевязываю звуками ночи -
Чтоб завтра вернуть людям
Эти случайные потери.
14, 12. 71.

* * *

Серый кубический камень
Здания
Со стёклами
Цвета воды ночной.
Что там,
За твоими немигающими зрачками,
В которых огни не горят?
Пустота...
Только пляшет, отражаясь,
Снежная ночь декабря.
17. 12. 71.

* * *

Ветер метет, сгибаясь,
Метет, сил не щадя.
Снежная пыль голубая
Рассеивается, клубится
По улочкам и площадям.
Сквозь вьюгу -
Деревьев курсивы.

Деревья совсем некрасивы.
 И в хриплом, простуженном лепете
 Роняют, роняют, роняют
 Осеннюю память,
 А может быть - память о лете.
 Ветер рвёт и выужит,
 И люди идут, как в туннеле,
 Под зыбкие арки метели,
 Уходят, уходят,
 Как будто в иную,
 Нездешнюю жизнь.
 17, декабрь, 71.

* * *

«Зайди вчера...»
 «Родись я раньше...»
 «Совпади номер...»
 «Не произойди то, что произошло...» -
 Слышу я часто
 Рассуждения о счастье.
 Вслушиваюсь в многоголосый гул
 И думаю:
 А какое же мне
 Подыскать подходящее «НЕ» -
 И найти не могу,
 Потому что раннее рождение,
 Не выигрыш денег,
 Опозданье куда-то -
 Все проходит.
 Но знаю:
 Может, счастье -
 Это что-то не укладываемое в сознание?
 Поиск, жажда.
 А может - своё у каждого.
 Кто знает, кто знает.
 17, декабрь, 71.

* * *

«Посторонним вход воспрещен», -
 Читаю. И еще:
 «Нет выхода», -
 Надпись над трамвайной дверью.
 Когда я такое читаю,
 В сознании возникает
 Теория воспрещённости.
 Начинаю беспокойно оглядываться.
 И уже не одна и не две надписи,
 А со всех сторон
 Они глядят на меня,
 Словно я живу в мире из двух миров.
 Одиноко становится мне
 От этого обихода,
 Будто я еду в транспорте,
 Из которого выхода нет
 В город,
 Не имеющий входа.
 17, декабрь, 71.

* * *

Когда движенье феерично
 И сосредоточиться нельзя,
 Я останавливаю взгляд
 На одиноком дереве.
 Вот, скользя,
 Закружились кристаллики инея,
 Словно на невидимых нитях
 Оплетающих огней игру,
 Воротники, лица,
 Дымящиеся сигары труб.
 И так, постепенно,
 Будто из пены - горы -
 Передо мною возникает город,
 Уходящий в глубь давности
 И в бесконечность грядущего.
 И тогда каждый камень на тротуаре,
 Каждое движение ветки
 Меня наполняют трепетом вечности,
 Как антиквара -
 Далеких эпох бронзовые статуэтки.
 18, декабрь, 71.

* * *

Ни одного огонька
Из обмерзших,
Словно слюдой подернутых окон.
В ночь, от себя самой
Пустая тишина улицы
Убегает за дамбу.
На дороге одинокая собака сидит,
Ватно облаивая
Зеленоватый цвет фонарей.
Мороз пощелкивает в ведре.
Между нами идет беседа немая:
Между уличной тишиной, собакой и мной,
И мы прекрасно друг друга понимаем.
Нацедив воды,
Я возвращаюсь назад,
Думая о собаке, как о себе -
Что ее может сбить машина случайная...
И словно в благодарность,
Собачьи глаза
Глядят мне вслед,
То ли жалуясь, то ли сучая,
То ли любя.
И мы расходимся.
Но, расставаясь,
Оставляем друг другу частицу себя.
18, декабрь. 71.

НЕ НАЗНАЧАЯ СВИДАНИЯ

Пусть они кратки,
Только от остановки до остановки,
Но я люблю трамвайные знакомства,
Когда украдкой,
Как горячий ветер,
Мысленно,
Ничего не сказав,
Целуешь губы, глаза
Женщины,
Которой не знаешь имени,
Эти тонкие покрасневшие пальцы,
Оставившие на металле
Матовый след инея...
Не назначая свидания,
Но никогда - понимаете? -

Этой короткой любви
Не говоря:
«До свидания, милая,
До свидания».
20, декабрь, 71.

* * *

В синий фон вечера
Вкраплены снежинки,
И сквозь это -
Двигутся по своим орбитам
В разных направлениях,
Бегут и бегут
Чёрные огоньки человеческих фигур,
Словно неведомой галактики
Неизвестные планеты.
Все выглядит,
Будто в рифленном стеклянном сосуде.
И немигающие телескопы окон
Излучают параллели, пересечения,
Меридианы и туманности
Человеческих судеб.
20, декабрь, 71.

* * *

Наметает горы,
Красные, синие снежные горы.
Как прекрасен вечер!
Но еще прекраснее город,
Целый город из снега,
Построенный нами.
Отсвечивающий камень
Величественных арок
И фантастических башен,
Красно-голубые мосты, и...
Рубиновый маленький парк.
Густеет тьма.
Мы расходимся по домам.
Но даже утром,
Проходя мимо,
Я поворачиваю голову
И все еще улыбаюсь пустому месту
Улыбкой мима.
20, декабрь, 71.

* * *

Когда ты говоришь со мной
 Об этом или о том,
 Или смеёшься,
 То волны смеха
 Не умирают ни сейчас, ни потом.
 Они навсегда
 Остаются в бесконечности
 Блуждающим эхом.
 Дыхание, вылетающее из груди,
 Не исчезает,
 Превращаясь в нечто тленное.
 Нет -
 Материализуясь,
 Оно занимает свое место
 В постоянно обновляющейся
 Таблице вселенной.
 Не дари, не дари
 Неправдивые вздохи и пустые слова.
 Я прошу -
 Не спеши говорить.
 20 декабря, 71.

* * *

Склоняясь над ничем,
 Я ищу невидимки прошлого,
 Словно прошлогодние травы
 В заснеженном поле,
 По которым пробегает
 Трепет пороши,
 Рассеивая пепел забвенья.
 Странно -
 Что, растаивая снег дыханием слабым,
 Я ищу сновидения новогодних елок,
 Игру в разноцветные стекляшки,
 Ищу снежные бабы,
 Которые неоднократно превращались в воду
 И снова опускались на землю.
 Мерзнут руки.
 В колодки превращаются валенки.
 А, пусть!
 Зато - какое наслаждение! -
 На мгновение стать маленьким.
 20, декабрь, 71.

* * *

Венки бумажных не цветущих кружев
 Туманит ветра неживой дымок...
 И искоркой над вечностью и стужей
 Колеблет ветер алиссо-демон.
 22, декабрь, 71.

* * *

Сквозь пелену кочующего снега
 Огней игра
 Уходит вдаль блуждающей омегой
 За Слуцкий храм.
 А дальше - вьюга,
 Вьюга-ворожея,
 В сплошной туман
 Все превратила,
 В белое движенье -
 Мосты, дома.
 И нет конца, и не видать начала -
 Какая глубь!
 И электричка белым прокричала,
 Летя во мглу.
 И в этом небывалом из нашествий
 Шум бел и тих.
 И краны -
 На невидимом нашесте
 Скелеты птиц.
 22, декабрь, 71.

* * *

С шумом, скрежетом,
 В непостижимом лепете,
 В стереометрию вселенной
 Кубическим строем
 Ренессанс двадцатого столетия
 Неумолимо входит в стадию настроения.
 В эту неумную быль
 Не протиснуться вчерашней сказке...
 Фонарей бетонные столбы
 В лабиринт уводят наших Саский,
 В лабиринт рассчитанных прямых,

В нивелируемую непостижимость.
 Ветер на клочке
 Вчерашнего холста,
 Ветер, а не мы,
 Их выводит кистью улетающих снежинок.
 Кто - из них единственная -
 Та?
 22 декабря, 71.

* * *

Я счастлив, безумно счастлив!
 Сегодня, в декабрьскую ночь,
 Приснился мне дождик частый,
 Бегущий по улицам прочь.
 А я за ним следом, следом,
 Но догнать не могу никак.
 И тщетно
 Прошедшее лето
 Ловит моя рука.
 И я просыпаюсь тут же.
 От сна и следа больше нет.
 Гляжу на лунные лужи
 В узком декабрьском окне.
 23, декабрь, 71.

* * *

Женщина в белом
 Выбегает на площадь.
 То плачет,
 То заливается смехом -
 Тревожным и нежным.
 И в проруби вечера
 Ветер полощет ее одежду.
 Косы - белее мела,
 Расплетаясь, падают в темь.
 Безликая женщина в белом -
 В декабрьский вечер -
 Метель.
 23, декабрь, 71.

* * *

Лунного света лужи.
Метель по кустам улеглась.
На дорожной декабрьской стуже
Дрожат две маленькие капли,
Две не застывшие капли
Любопытных собачьих глаз.
Глядят они, не мигая,
В немую пустыню огня,
Где виснет темнота нагая
На стыке ночи и дня.
В душе моей - радость и жалость,
Потому что веселее вдвоём.
Я хотел подойти погладить,
Но она встала и побежала,
И ночь промокнула её.
23, декабрь, 71.

* * *

От твоего дыханья
На стекле
Остается след.
Точка, через которую
Ты постигаешь окружающее.
Но скажи мне,
Разве могут твои губы
Растопить мерзлоту,
За которой непостижимое,
Желаемое лежит?
Разве могут,
Скажи?
31, декабрь, 71.

* * *

Словно в бездну,
 Ступаю я через порог,
 За которым лежит неизвестность.
 Любовь ли это,
 Призвание, признание -
 Всё равно.
 Что со мной?
 Я не трус.
 Только сердце вот
 Так иногда заколотится вдруг,
 Будто это не сердце,
 А высохший лист на ветру.
 5, январь, 72.

ТЫ - ВЕТЕР

Когда первая зелень
 Приходит на землю,
 Когда раскрываются почки,
 Едва дыша,
 Разве не поёт твоя душа?
 Ты на свете -
 Как ветер.
 Ни капли дождя.
 Сохнет трава.
 Земля превращается в камень,
 Серый и грубый.
 Разве от жажды сохнут твои губы?
 Ты на свете -
 Как ветер.
 Увядая,
 Лист прощальную песню поёт.
 Скажи,
 Разве трогает эта песня сердце твоё?
 На свете -
 Ты как ветер.
 6 января, 1972 г.

ЖАЛЬ СЕБЯ

Что-то в руках теребя,
 Стоишь ты
 И просишь совета...
 Но разве ты знаешь,
 Как в этот момент
 Жаль мне себя.
 Как трудно произнести мне
 Простое, понятное «нет».
 «Да» - или «нет».
 Как жаль, как жаль
 Себя мне.
 5, январь, 1972.

* * *

Город - заснеженный глобус.
 Совершенно слепая
 Улица,
 Совершенно слепая.
 Переваливаясь, ползут автобусы -
 Грядущих времен ископаемые.
 Раскланивается кто-то
 Качает ветер меня.
 Чья-то шапочка белым тортом
 Уплывает в потоке дня.
 Смерзаясь, спотыкаются фразы.
 А ветер все крепче, крепче.
 И почти все сразу
 Чёрной акварелью накрывает вечер.
 Бульвар тёмный и скучен.
 То там, то тут -
 Сквозь снег летучий -
 Фонарей
 Подсолнухи в цвету.
 6, январь, 72.

* * *

В раннее утро,
 Сквозь морозный туман густой
 Вливаются струйки колокольного звона.
 Это звонят,
 Занесённые снегом,
 Белые колокола кустов.
 Поднимается ветер.

И гордо
 Сквозь туманную ересь,
 На сером фоне неба
 Появляются башни и арки города,
 Полуреального-полуфантастического,
 словно вышедшие из музыки Сальери.
 И тотчас же, кое-где
 На белом снегу
 Появляются чёрные точки людей.
 6, январь, 72.

* * *

Качаются снежные гроздьи.
 Вечер их кутает в синее.
 Они, как угасшие звезды,
 Осыпаны пепельным инеем.
 Уселись легендой древней,
 Как из сказки сошедшие совы.
 И тихий ветер
 С кустов и деревьев
 Теней их метет невесомость
 Через гофрированные сугробы -
 Как по барханам пустыни.
 И фонарь у перекрёстка,
 словно сломавшийся робот,
 Остановившейся улыбкой стынет.
 6, январь, 72.

* * *

Снежная лавина на улице,
 Как живая.
 Прохожие сутулятся.
 И гигантскими черепахами
 По Пушкинской буксуют трамваи.
 Завьюжило рельсы.
 Двадцать восемь по Цельсию.
 Вечер сероватый.
 На дороге воробьи -
 Как клочья ваты.
 Фонари, как на ниточках качаясь,
 Висят.
 Я ухожу во что-то бесконечное,
 Движущееся.
 Еще далеко мне.
 Скрипит под ногами снег.
 10, январь, 72.

* * *

В доме все холодней и холодней.
 За окнами вьюга свищет.
 Улетают голуби моих дней
 К не построенным жилищам.
 Приручить их нельзя,
 И вернуться заставить - нельзя.
 Улетают, роняя гортанную песню.
 Только крылья в метели скользят.
 То летят мои дни...
 Растворяется стая.
 Когда-то и я
 Улечу с одной из них.
 10, январь, 72.

* * *

Одинокое дерево.
 Одинокая пара.
 Собак напоминает вмерзший бакен,
 Словно кто-то впаял его
 В январский снег,
 В немую неподвижность.
 А дальше - вижу,
 Как улетает сажа,
 Черная сажа
 В неба холодную жижу.
 12, январь, 72.

* * *

Клаксоны в мороз одеты,
 Порой прозвенят редкоструйно,
 Будто невидимый где-то
 Ударяет в миноре по струнам.
 Ветер шумит отвлечённо.
 Под снегом кусты, словно курицы.
 Прохожих символы чёрные
 Вписаны в белую улицу.
 12, январь, 72.

С о д е р ж а н и е

Татьяна Сопина. «В руке я мгновенье несу...»	3
В клетке из человеческого «я»	4
Чудеса	4
С разбитым виском	4
«Прохожие на улице, дома...»	5
«Скажите, вы случайно, или...»	5
«Мне однажды кто-то сказал...»	5
«Вот женщина взглянула мне в глаза...»	6
«Всякое бывает...»	6
«Россия! Вглубь ее взгляни-ка...»	7
Стенька	7
Владимирка	8
В авоське души	8
Сороковой листопад	9
До свиданья	9
«Отодвиньтесь»	10
«Я не был под Парижским небом...»	10
«Тяжело я иду по столетью...»	11
«Я поднимаюсь с рассветом...»	11
Детям оставлю глаза	12
Изба кричит пустотой	13
Слово	13
Память пылится	14
«Какая нескромная улыбка...»	14
«Ещё не замерзла вода...»	14
«Однажды кто-то принёс птенца...»	15
«Мальчик часто спрашивает меня...»	15
«Тучами небо заверчено...»	16
«Из груди в осень я выпускаю птицу смеха...»	16
«Сижу на скамейке...»	17
Колесо детства	17
«В улицу влывает надменная «Волга»...»	18
«В небесном пространстве луна...»	18
В мохнатом полотенце ноября	18
«Улица, огни...»	19
Вглядываясь в ноябрьских луж глаза	19
«Страхнул росинку в ладонь...»	20
«Аллеи все пусты...»	20
«Витрины, дома...»	20
«Пока утренние огни не проснулись...»	21
«Смотреть на землю, как на материю...»	21
«Дома, и туман между ними...»	21

«Если улетают перелетные птицы...»	21
«Ветры, как одурелые...»	22
«Когда плохая погода...»	22
«Солнечные лучи кружатся, светят...»	23
«Фонарей надломленные оси...»	23
«Белее, белее восток...»	23
«Чёрная лента ночи...»	23
«Тучи - чернее, чем уголь...»	24
«Небо, как из лукошка...»	25
«Пуста остановка...»	25
«Город, почему ты такой...»	25
«Нет у нас тех осенних опалин...»	25
«Суета. Движение...»	26
«Совсем уже нет тепла...»	27
«Вечер. Словно из сна...»	27
«Сырой и жидкий ветер...»	28
«Собираясь идти...»	28
«На снежном мольберте ночи...»	29
«Серый кубический камень...»	29
«Ветер метет, сгибаясь...»	29
«Зайди вчера...»	30
«Посторонним вход воспрещен...»	31
«Когда движенье феерично...»	31
«Ни одного огонька...»	32
Не назначая свидания	32
«В синий фон вечера...»	33
«Наметает горы, красные, синие...»	33
«Когда ты говоришь со мной...»	34
«Склоняясь над ничем...»	34
«Венки бумажных не цветущих кружев...»	35
«Сквозь пелену кочующего снега...»	35
«С шумом, скрежетом...»	35
«Я счастлив, безумно счастлив!..»	36
«Женщина в белом...»	36
«Лунного света лужи...»	37
«От твоего дыханья на стекле...»	37
«Словно в бездну, ступаю я...»	37
Ты - ветер	38
Жаль себя	39
«Город - заснеженный глобус...»	39
«В раннее утро...»	39
«Качаются снежные гроздьи...»	40
«Снежная лавина на улице...»	40
«В доме все холодней и холодней...»	41
«Одинокое дерево...»	41
«Клаксоны в мороз одеты...»	41